

Унамуно принадлежал к числу писателей, озабоченных прежде всего духовным состоянием отдельного индивида. В центр своей философской системы он поставил проблему человеческого существования, и нередко его взгляды рассматривались как одно из первых проявлений экзистенциализма. И хотя концепция Унамуно не укладывается в рамки философии экзистенциализма, нельзя не отметить, что именно в экзистенциальном ключе воспринимал он некоторое время учение Толстого. Унамуно проводил определенные аналогии между его взглядами и философско-религиозным учением Кьеркегора, общепризнанного предтечи экзистенциализма. Более того, испанский мыслитель выдвигает ничем не обоснованную идею о влиянии Кьеркегора на Толстого¹⁴.

Важно понять, какое место в системе нравственно-философских воззрений Унамуно занимает религия. Был ли он атеистом или же ортодоксальным католиком? Если испанского мыслителя и не отлучили, как Толстого, от церкви, то основные его философско-публицистические работы («О трагическом чувстве жизни у людей и народов» и «Агония христианства») продолжают числиться в «Индекс» книг, запрещенных для чтения католикам. Характерное признание находим в одном из писем к Педро де Мухике: «Ты говоришь мне о еретиках-мистиках, о Толстом и Шопенгауэре. Да, ключ именно здесь. Мистицизм никогда не был чем-то неотделимым от догматической религии... Догматическая теология — это школа рабства и смерти, а мистицизм — свободы и жизни. Можно быть мистиком и атеистом одновременно» (разрядка наша. — В. Б.)¹⁵.

Следует иметь в виду, что многие религиозно окрашенные понятия в этической доктрине Унамуно были для него (как, впрочем, и для Толстого) скорее образами и метафорами, в которых он выражал свои взгляды. «Своеобразие его огромного таланта, — отмечает Г. В. Степанов, — заключалось в на редкость органичном соединении свойств художника и мыслителя. Образное мышление насквозь пронизывает его философские произведения, его художественное творчество во многом определяется самостоятельно выработанными философскими концепциями»¹⁶.

Толстой в «Исповеди» задал вопрос, на который будет пытаться ответить и Унамуно: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»¹⁷. Придать человеческой жизни смысл и тем самым спасти ее — такова, по Унамуно, задача всякой философии. «Трагическое чувство жизни» (столь существенное в философских построениях испанского писателя) возникает в результате коллизии между конечным существованием личности и бесконечностью существования мира. Именно это противоречие стояло в центре толстовского понимания веры, захватывало «наиболее глубокое ядро его личного существования»¹⁸. «Толстой, — по словам В. Ф. Асмуса, — искал такого решения противоречия, при котором смысл конечного и преходящего существования личности не уничтожался бы, не превращался бы в бессмыслицу предстоящим уничтожением личности, ее погашением в бесконечности мирового целого»¹⁹.

¹⁴ Об этом см. в интересной по материалу и выводам статье Ю. С. Степанова «От стиля к мировоззрению. Экзистенциальные идеи у Л. Толстого». — Сб. докладов и сообщений лингвистического общества, III, вып. 1. Калинин, 1973, с. 16.

¹⁵ *Унамуно М. de. Cartas inéditas*, p. 178.

¹⁶ *Степанов Г. В.* Унамуно, Валье-Инклан, Бароха — выдающиеся представители европейского реализма. — В кн.: Мигель де Унамуно. Туман. Авель Санчес. Рамон дель Валье-Инклан. Тиран Бандерас. Пио Бароха. Салакаин Отважный. Вечера в Буэн Региро. М., 1973, с. 8.

¹⁷ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 23, М., 1957, с. 16, 17.

¹⁸ *См. Асмус В. Ф.* Религиозно-философские трактаты Л. Н. Толстого. — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 23, М., 1957, с. X.

¹⁹ Там же, с. IX, X. См. также: *Курпянова Е. Н.* Эстетика Л. Н. Толстого. М. — Л., 1966, с. 149—158.